

ОБРАЗОВАНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МЕТАФОР

Елена Викторовна Валеева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры социальной работы, сервиса и туризма
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

- образовательный текст • универсальные образовательные метафоры
- культурно-историческая индустрия

«Всю историю образования можно представить как универсальный Текст формирования человека, который состоит из Античности, Средневековья, Просвещения, XIX, XX века и современности. Выделенные периоды представляют собой определённые этапы смены образовательных парадигм внутри единого образовательного Текста» [1, с. 96–101]. Социально-психологический контекст эпохи оказывает заметное влияние на функционирование системы образования, поскольку формирует стиль мышления и идеологию, определяет содержание образовательных технологий и их продуктивность, выполняет адаптационную роль, снимая конфронтацию полярных идей.

Метафоризация становится необходимой техникой когнитивного моделирования и рассматривается как источник оптимизации процедуры интерпретации образовательного Текста. Его статус определяется на связи имманентных и трансцендентных тексту идей, которые более всего сконцентрированы в метафоре Текста. Метафоры позволяют осуществить входы в каналы образовательной реальности «на все времена». Такими универсальными метафорами можно назвать античную «образовательную прогулку», средневековый «молитвенный труд», «образовательное путешествие», сформировавшееся в эпоху Просвещения, «производственную мастерскую» XIX века, метафору «гамельнского крысолова».

«ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГУЛКА»

Метафора «образовательная прогулка» предполагает обращение к диалектике, предметом которой является изменение и взаимодействие разных педагогических технологий, развивающих человека физически и духовно. *Гармонизация тела и души* понималась греками как важнейшая дидактическая задача.

Роль «образовательной прогулки» в формировании полисной идеологии. Во-первых, идеология полиса формирует представление о долге, о должном. Во-вторых, возвращаясь в античное прошлое, в качестве причин, порождающих конфликты между людьми, Платон называет аморальные поступки и неправильное воспитание. Полисная идеология – это то, что на современном языке можно назвать региональной идеей. Любовь к родным местам и гордость за принадлежность к числу граждан полиса составляет античную идею патриотического воспитания.

Накопленный греками опыт показывает, что воспитание никогда не бывает свободно от культурного контекста, хотя эта зависимость бывает разной. В-третьих, античное полисное образование актуализирует настоящее, объясняет и примиряет человека с настоящим. В-четвёртых, античное педагогическое наследие намечает ещё одну стратегему в воспитательной работе –

это формирование исторической перспективы личности, чёткое понимание своих корней, своей укоренённости в определённом регионально-историческом аспекте, соотносённости с другими и остальным миром, т.е. это воспитание средой.

Так, «образовательная прогулка» – это технология формирования героя (гражданина), имеющего представление о долге, ощущающего себя со своим народом, почитающего традиции и живущего настоящим.

«Образовательная прогулка» как педагогическая технология включает: 1) движение, 2) соревнование и 3) диалогику.

Агонистика, диалогика и бег становились важнейшими средствами формирования пластичности мышления. Античная концепция воспитания выдвигает проблемы, сходные с теми, которые в полном объёме встали перед современностью:

- разлад в душе человека, не умеющего прийти к согласию духа и плоти, не осознающего своей цельности;
- диалогизация сознания личности, вместо которой образование то обращается к коллективизации, то заменяет её индивидуализацией, не выдвигая диалогику как ближайшую стратегию при формировании человека;
- движение, которое принимает то внешние, то внутренние формы, порождает свои технологии – прогулка, соревнование, игра, смена деятельности и т.д. Эти идеи наследуются и обогащаются в эпоху Ренессанса.

«МОЛИТВЕННЫЙ ТРУД»

В средние века античная педагогика пересмотрела своё отношение к предшествующей традиции. Полного отрицания богатейшего античного наследия не было, в том числе и в сфере образования, в действительности происходила адаптация античной культуры к христианской доктрине. Интертекстуальность средневекового образовательного пространства – это особое качество, свойство, которое проявляется в процессе его интерпретации путём включения фрагментов образовательного текста античности, как словесных, так и

невербальных. «Молитвенный труд» (как и всякая метафора) – многоуровневое явление, поскольку в самой его структуре заложен вектор движения от одного смыслового поля к другому, наиболее глубинному. Это концентрическая когнитивная модель, представляющая несколько вписанных друг в друга кругов. Внутренний круг – это смысловое ядро, заложенное в понятиях «молитва» и «труд». Следующий круг (средний) включает в себя инструментальные характеристики средневекового образовательного текста. Внешний круг охватывает актуальные для современности значения.

Гносеологическая сущность метафоры «молитвенный труд» заключается в определении связей между внешне, казалось бы, отдалёнными понятиями «молитва» и «труд». Молитва – это: 1) труд ума и сердца (30% опрошенных); 2) словесный текст (15% опрошенных); 3) повторение (10% опрошенных); 4) беседа с Богом (10% опрошенных); 5) форма служения (5% опрошенных); 6) терпение (5% опрошенных); 7) эмоция (5% опрошенных); 8) внутренний монолог (3% опрошенных); 9) самодисциплина (3% опрошенных); 10) система образов (2% опрошенных); 11) диалог с другим (2% опрошенных); 12) заучивание текста (1% опрошенных) и т.д., такие смыслы придают современные студенты молитве. Все эти значения можно разделить на три типа: 1) молитва как цель; 2) молитва как процесс; 3) молитва как инструмент. «Молитвенный труд» – это и образовательная цель, и педагогическая технология средневекового образования. «Молитвенный труд» – совокупность способов создания и функционирования, хранения и наследования, обучения и осознания, восприятия и осмысления. Молитва включена в процесс жизни человека и синкретична структурам его повседневности.

«Молитвенный труд» становится продуктивной образовательной технологией «обновления» человека, то есть его «обращения», включающей в себя: 1) работу со Словом; 2) формирование эмоционального интеллекта; 3) развитие памяти; 4) становление самодисциплины и т.д., которые явились стратегиями «обновления» человека, о чём речь пойдёт чуть позже.

Достоинством средневековой педагогики, идеи и смыслы которой сконцентрированы

в метафоре «молитвенный труд», является то, что она формирует цензуру внутренних нравственных запретов, от которой, к сожалению, отказалась современная школа. Образовательная медиевистика в условиях нового времени может быть продуктивно использована, поскольку пронизана транс- и интердисциплинарными методологическими течениями, которые способствуют актуализации этого наследия. Медиевистика давно и успешно занимается образовательной практикой в соотношении с общественными структурами. Образование при этом анализируется в совокупности со всеми дискурсами и духовными проявлениями, которые передают ему культурно-исторический опыт.

«ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»

Само название эпохи Просвещение и провозглашённый ею культ разума означает веру в безграничные возможности науки, открывающей человеку тайны мироздания. Универсальной образовательной метафорой этого периода можно назвать «просветительское путешествие».

Если следовать логике М. Фуко, который предложил анализировать каждую эпоху сквозь призму пространства, отношение к которому исторически менялось, то определяющей категорией характеристики пространства в средние века была *локализация*, а после открытия Галилея её заменила *протяжённость*, ставшая критерием просветительского пространства. Путешествие – это перемещение, требующее значительно пространства и времени.

Именно тогда возникает просветительский роман, повествующий об истории возмужания и воспитания героя – молодого человека, проделывающего определённый путь развития, чаще всего в ходе сознательно организованного путешествия или вызванной обстоятельствами частой перемены места жительства.

Передвижение в пространстве позволяет ему активно вступать в соприкосновение с разными жизненными сферами, приобретая при этом позитивный или негативный жизненный опыт и вырабатывая соб-

ственную мировоззренческую позицию. Финальная сцена такого романа, как правило, знаменует переход «воспитуемого» в пору зрелости. Путешествие открывает не только новые страны, но и скрытые возможности человека, его внутреннее пространство.

Путешественник – универсальная метафора Другого. Вариантом путешественника выступает паломник (странник), идущий к земному центру святости; крестоносец (рыцарь) – путешественник в поисках идентичности. «Путешественник – это и бродяга, и враг, и гость» [2, с. 48–64].

Главное в путешествии – это вопрошание героя. Ответы на свои вопросы человек ищет в действии. Так эпоха Просвещения рождает человека пути (путника) и человека перехода. В основе первого лежит идея постепенного развития, а в основе второго – идея скачкообразного развития, прозрения. Путешествовать – значит двигаться, перемещаться в пространстве, которое может быть вымышленным, воображаемым, физическим, метафизическим и т.д. У всякого путешествия есть начало и конец, т.е. есть границы. «... Представление о границе – это представление о культурной норме как идеале, о наиболее полной степени воплощения культурной формы». Граница – та нравственная норма, которая определяется каждым человеком индивидуально. Суть «просветительского путешествия» как раз и заключается в раздвигании «горизонта человека», в «осуществлении перехода» к собственной человечности. Всякое путешествие предполагает возвращение к самому себе, поскольку предполагает выход за собственные границы, на периферию личности.

В-четвёртых, эпоха Просвещения рождает не только человека путешествующего (уходящего), но и человека возвращающегося. В ходе путешествия обновляется карта (географическая, когнитивная и нравственная), ставятся новые ориентиры. Просветительское путешествие, описанное в самых разных вариантах в литературе XVIII в., – это некий вариант когнитивной карты, когда она вербализуется и вписывается в культурный контекст эпохи.

Просветительский роман – это экстериоризация опыта и знаний в виде текста, то есть «культурно-опосредованная ментальная когнитивная карта» [3, с. 44]. Человек получает знание и из собственного опыта, и путём усвоения опыта другого человека, что потом использует для решения собственных и общественных проблем.

Образовательное путешествие не предполагает наличие карты с нанесёнными на неё правильными ориентирами и знаками. В отличие от географической карты, карта образовательная становится рефлексивной картой, своего рода продолжением человека, как телескоп, например, увеличенный глаз человека является продолжением личности учёного, усилением его естественно-го органа. Образовательная карта – это и инструмент, при помощи которого человек фиксирует знания, и часть процесса воспитания. В такой карте находит отражение механизм, по которому происходит формирование личности. Просветительская литература даёт примеры путешествий героя, в ходе которых происходит его становление, его взросление. Это позволяет дать типологию «просветительских путешествий», куда входит «путешествие в семью», «путешествие в себя», «путешествие в культуру», «путешествие в сферу чувств», «путешествие в природу».

Просветительская литература, говоря о вариантах образовательных технологий, раскрываемых нами через метафору «просветительское путешествие», поднимает ещё одну проблему – проблему эффективной образовательной среды. Новая среда обучения эпохи Просвещения – это, во-первых, *дорога*, по которой герой странствует: познаёт себя и мир. Во-вторых, это семья, дом, поскольку семейные традиции – один из аспектов формирования «культурного рефлекса». Культурный рефлекс позволяет человеку интуитивно выстраивать необходимую модель поведения, отношения к предметному миру. В-третьих, это театр, т.е. искусство как духовно-нравственное пространство.

Сегодня образовательный проект Просвещения приобретает новые формы. В конце концов, путь во внешний мир,

куда так стремились просветители, возможен и через внутренний мир человека, его души.

«ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ»

Образовательная метафора «производственная мастерская» в смысловом отношении состоит из двух противоположных понятий: «производство» и «мастерская». В первое смысловое пространство входят такие понятия, как техника, стандарт, повторяемость, настоящее, универсальность и т.д.; во второе – искусство, творчество, традиция, уникальность и т.д.

Человек XIX в. оказался «полем битвы» между философскими направлениями, которые стояли на совершенно противоположных позициях и расходились в понимании поступательного развития общества, а также взаимодействия с ним отдельной личности.

В это время выделяются основные составляющие человека: реальная, социальная, осознанная и идеальная личность. Причём приоритет отдавался социальной составляющей, что связано, прежде всего, с развитием производства. Важно учитывать то, что при производстве (изготовление автомобиля или продажа билета) всегда реализуется очерёдность операций обработки исходных ресурсов, то есть осуществляется технологический процесс. Любая производственная среда состоит из ряда взаимосвязанных элементов, которые функционируют согласованно для достижения цели.

Обучение как «производство человека»

Начиная с XIX в. образовательный процесс начинает напоминать процесс производственный, поскольку ориентирован на стандарт. И сегодня идея образовательных стандартов и жёсткой координации действий учителя и ученика активно используется рядом университетов и определяет их гуманитарную парадигму [4, с. 91–95]. С XIX в. школа активно готовит к производству, а процесс обучения напоминает технологический процесс, включает такое понятие, как «педагогическая технология».

К основным идеям новой образовательной ситуации можно отнести: преобладание рациональных способов деятельности, приоритет естественных и точных наук; упор на физический труд, установка на эксперимент в его естественнонаучном толковании. Стандартизация и технологизация обучения требует новой оценки успеваемости учащегося. Успеваемость – основной критерий результативности образовательного процесса, а оценка – проявление формы успеваемости, большего или меньшего соответствия заданному стандарту. Многие были усвоены советской школой начала XX в., в которой «процесс образования устроен по законам производства и должен обеспечивать, согласно общепринятой дидактике, реализацию образовательных, воспитательных и развивающих задач...» [5, с. 143]. Нравственный компонент встраивался в систему производства, не разрушая его основы, поскольку совместная деятельность людей требовала координации действий и полного взаимопонимания.

Промышленное производство рождает новые формы коммуникации, в том числе и образовательной. Это «коммуникация риска». Образование становится более рефлексивным процессом, обязательным элементом которого является учёт его социальных импликаций. Дефицит знания начинает компенсироваться использованием методов статистического анализа риска, применением гипотетических моделей. Производство и мастерская – разные варианты образовательной среды, такое общественное производство или такая педагогическая мастерская, в которых представлено единство всех пластов жизни общества: материального, духовного, экономического, культурного, индивидуального и социального. Первая образовательная среда ориентирована на формирование инженерного типа мышления, вторая – художественного.

Производственная сфера, во-первых, способствовала разделению образования на гуманитарное и естественно-техническое. Так, в XIX в. в среднем образовании обозначились два направления: классическое образование (гуманитарное, общекультурное, историко-литературное) и реальное (практико-ориентированное, прикладное,

естественно-научное). Первое было направлено на формирование «человека эстетического» и оказывалось задачей исключительно женского образования. Второе – «человека разумного», что связывалось с обучением и воспитанием мужчины. В связи с этим можно говорить об идеях немецкого социализма, занимающегося вплотную идеей реформации женского образования.

Получила распространение новая педагогическая идеология, ориентированная на изолированного индивида, который обучался с помощью одинаковых для всех методов и стандартных средств, что нивелировало индивидуальность, но включало человека в общий государственный порядок.

Обучение как «педагогическая мастерская» (опыт образовательного модерна)

Проблема образовательного модерна до сих пор остаётся на периферии внимания, поскольку сама категория модерна ускользает от однозначных определений и несёт в своей природе отказ от априорности и заданности. Уничжительный смысл, который вкладывали в отечественной традиции в термин «модерн», совмещение его с декадентством, а значит, с «буржуазно-упадочным», стало причиной того, что не возникло прочного основания выявления его коррелятов не только в сфере образования, но и даже в области художественного творчества.

В термине «модерн» лежит идея культурного Ренессанса, а вот в понятии «модернизм» выступает на первый план мысль о будущем, отвергающем прошлое. Истоки образовательного модерна уходят в творчество прерафаэлитов. Прерафаэлитизм занимает небольшой период в истории английского искусства (с 1848 по 1898 гг.), однако его влияние не исчерпывается только веком XIX.

Рассмотрение образовательного текста в свете философско-эстетических исканий прерафаэлитов отчасти позволяет определить воздействие изобразительного языка эпохи на образовательный текст, понять правомерность распространения категории стиля модерна на образовательное пространство. Изобразительные новации вле-

кли за собой перестройку образовательного пространства, опирались на принципы и конструирующие искусства, исключали стандартизацию и повторение или копирование, поощряли творчество и стимулировали интерес к прошлой культуре. От поиска универсального «образовательная мастерская» прерафаэлитов перешла к стремлению к уникальности.

Если производство как образовательная среда формировала инженерный тип мышления, то мастерская была ориентирована на художественное конструирование, на изготовление «штучного дизайна». Дизайн дополнял инженерное проектирование. Особенностью дизайна была его связь с предшествующей традицией. «Образовательная мастерская» прерафаэлитов определила некоторые структурные и стилистические приёмы «образовательного модерна»: декоративная интерпретация и эстетизация внешнего пространства человека; стилизация как попытка «скорректировать» внешний мир, усилив контраст природного и искусственного окружения; подчёркнутая визуальность; пластичность мышления (или «танцевальность мысли», её орнаментальность как способ избежания однозначности, поиск смысловых нюансов и т.д.). Всё это находит своё развитие в работах О. Уайльда, который сформировал декоративно-орнаментальное мышление и увидел в нём потенциальную образовательную перспективу.

Искусство становится технологией формирования эвристического мышления, пример чему даёт творчество прерафаэлитов и О. Уайльда, что, однако, ещё недостаточно отрефлектировано гуманитарной наукой. Художественная пластика становится формой формирования пластичного мышления, то есть гибкого, подвижного и динамичного процесса рождения понятий и суждений, улавливающих мыслительные оттенки в разных явлениях и фактах.

«Производственная мастерская» как универсальная образовательная метафора XIX в. и продуктивная педагогическая технология приводят к осознанию того, что диалектика образования, которая базируется на технику и экономику, оказывается невозможной без идеализма, который адекватно выражен искусством.

«ГАМЕЛЬНСКИЙ КРЫСОЛОВ»

XX и начало XXI века – время духовной революции, которая наступила вслед за революцией социальной, идеологической и технологической. Основной площадкой для преобразований в этот период выступает именно школа. Существование противоречивых идей и отсутствие дуальных схем делает образовательный контекст XX в. более эвристичным, мозаичным и разноректорным, чем когда бы то ни было.

Образовательный текст оказался разрушенным в XX столетии. Нельзя выделить одну определяющую его метафору, вроде той, которую мы назвали в образовательном пространстве античности или средних веков и т.д. Появилась множественность метафор, которые обусловлены разными векторами развития общества, такими как, например, спорт (американский бокс или английский футбол) или труд. Таким образом, образование в XX веке лишилось определяющей концепции. Если попытаться обозначить сложившееся положение дел метафорически, то такой новой метафорой может стать метафора «гамельнского крысолова» [6].

Гамельнский крысолов – манипулятор в образовании. Смысл этой новой метафоры в том, что образование в XX в. становится манипулятивным. Оно перестало принадлежать личности, человеку, а стало рупором партии, класса, государства, политики, экономики и т.д., то есть образование стало Текстом, который утратил свои чёткие контуры (бесконтурным, бесформенным, но многоаспектным).

Образование XX в. уже формирует не столько человека, сколько его потребности. В результате, возникает одномерный человек [7], иномирный собственной культурной традиции, несчастный, не способный адекватно оценить получаемую информацию, принимая всё на веру и следуя в указанном направлении.

Множественность педагогических поисков XX в. не увенчивается успехом. В развитии образовательного текста поставлена точка, от которой и надо вести новый поиск образовательных идей. Отношения между обра-

зовательными моделями, представленными в разные исторические периоды, диктуют необходимость формирования нового образа образования, который бы учитывал современный тип человека, с одной стороны, а, с другой, – был ориентирован на те цели и ценности, которые были сформированы человечеством в процессе его историко-культурного и социально-культурного развития.

Универсальные образовательные метафоры, на наш взгляд, не столько информируют о существующей культурно-исторической реальности эпохи, сколько отражают императивы новых социальных, политических и экономических задач, встающих перед человеком в каждый исторический период. Причём усиление коммерческих императивов, встающих перед образованием сегодня, обуславливают всё более консервативный характер производимых ими текстов. □

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валеева Е.В.* Аналоговая модель современного образования [Текст] / Е.В. Валеева // *Обсерватория культуры*. – 2014. – № 1. – С. 96–101.
2. *Суковатая В.А.* Путешествие. Культурно-антропологический хронотоп Другого [Текст] / В.А. Суковатая // *Человек 2010*. – № 2. – С. 48–64.
3. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Трансформация натуральной географии: технологические и когнитивные карты [Текст] / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов // *Вопросы философии*. – 2014. – № 2. – С. 44.
4. *Бакштановский В.И., Богданов М.В., Согомонов Ю.В.* Университет как научно-образовательная корпорация: дуализм самоидентификации и выбор приоритета [Текст] / В.И. Бакштановский, М.В. Богданов, Ю.В. Согомонов // *Философские науки*. – 2009. – № 3. – С. 91–95.
5. *Овсяницкая Е.А.* Педагогические субкультуры в российском образовании [Текст] / Е.А. Овсяницкая // *Философские науки*. – 2009. – № 5. – С. 143.
6. *Легенды Европы*. – М.: ЭНАС-КНИГА, 2013.
7. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества [Текст] / Г. Маркузе. – М.: АСТ, 2002. – 526 с.